

П. И. Гришанин

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

Под влиянием демократических преобразований в России на рубеже XX–XXI вв. произошла кардинальная переоценка роли и места революции 1917 г. в трансформации политической системы. При этом различные подходы к оценке революции порождают различные интерпретации Белого движения. Исследователи все чаще пытаются вписать решение данной проблемы в изучение Гражданской войны как кризиса культурной самоидентификации. Так, по мнению О. Ф. Гаврилова и Н. П. Гавриловой, в «турбулентном пространстве» Гражданской войны векторы одних силовых линий, сталкиваясь с устремлениями других, видоизменяются под натиском третьих. В итоге «перечеркивается логика развития с устоявшимся порядком зависимости настоящего от прошлого и будущего от настоящего». Обретение в ходе Гражданской войны культурной определенности за счет отрицания ценностных моделей России оказалось «результатом целенаправленных усилий известных и безымянных творцов партийно-государственного строительства»¹.

В. Н. Романишина считает, что политика «военного коммунизма» и «расказачивания» способствовали расширению социальной базы Белого движения. Однако консервативная «национальная диктатура» А. И. Деникина, «средняя линия» между либерализмом и консерватизмом А. В. Колчака и «левая политика правыми руками» П. Н. Врангеля оказались неспособными разрешить давно назревшие социально-экономические и политические проблемы. Главную причину поражения Белого движения автор видит в «отсутствии понятной массам объединяющей идеи» Белого движения².

О. В. Будницкий объясняет противоречивость идеологических установок Белого движения исключительно тем, что оно по преимуществу было движением военных. Его начало он связывает с

¹ Гаврилов О. Ф., Гаврилова Н. П. Гражданская война как кризис культурной самоидентификации // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 2007. С. 6-7.

² Романишина В. Н. Белые: кто они? // Родина. 2008. № 3. С. 22.

прибытием на Дон для создания антибольшевистских вооруженных формирований наиболее авторитетных русских военачальников М. В. Алексея, Л. Г. Корнилова, А. И. Деникина, придерживавшихся «вполне “февральской”, т. е. либерально-демократической программы»³. Однако, по мнению автора, провозглашение первоначально либеральных лозунгов было одним из элементов антибольшевистской политической технологии. Чем больших успехов достигало Белое движение, тем очевидней был отход от либеральных ценностей. Будницкий подчеркивает, что высшее командование белых не поощряло погромов, исходя как из государственных соображений, так и из соображений поддержания воинской дисциплины. Он особо выделяет П. Н. Врангеля, как обладавшего «политической волей и решительностью в отношении погромов и антисемитской агитации». А именно еврейские погромы и грабежи вели, по мнению автора, «к моральному разложению войск и стали одним из важнейших факторов, который привел к поражению Белого движения»⁴.

Современные интерпретации Белого движения отражают все концептуальные подходы к изучению российской истории в целом. Для России всегда было характерно особенно острое ощущение детерминированности настоящего и будущего прошлым, причем не столько прошлым, которое было «на самом деле», сколько той или иной интерпретацией этого прошлого. По мнению Т. Шанина, при изучении любой исторической проблемы важно учитывать: соотношение между социальным выбором и безличностными детерминантами человеческого поведения; причинную иерархию, связывающую социальные институты и категории анализа; влияние и несоответствие моделей исторического времени, которые доминируют в исторической науке; присутствие эпистемологической терпимости⁵. Настаивая на том, что в современной историографии «центральную роль играют потенциал, альтернатива и различие, а не только необходимость, предопределенность или тоталитаризм», Шанин одним из первых заявил о том, что изучение революции 1917 г. и Гражданской войны невозможно без учета динамики соотношения массового

³ Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2006. С. 158, 181, 186.

⁴ Там же. С. 497.

⁵ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. = 1917–1922 гг. М., 1997. С. 471.

и исторического опыта⁶. Для исследователя было важно показать революцию 1917 г. как «эмоциональный взрыв морального негодования, отвращения и ярости», а Гражданскую войну, в свою очередь, как попытку противостоящих политических сил нейтрализовать утративших инстинкт самосохранения людей⁷. В этой связи Т. Шанин особое внимание уделяет анализу политики большевиков, направленной на то, чтобы нейтрализовать крестьянство и использовать его для организации партизанских движений в тылу белых⁸. Это позволило сделать вывод о преемственности Октября 1917 г. с революцией 1905–1907 гг. По мнению Шанина, драма первой русской революции оказала мощное воздействие на коллективное сознание российского общества и на каждую из его основных составных частей, поскольку драматический исторический опыт откладывается в памяти, порождает модели и представления, особые когнитивные связи, объединяющих всех его участников в политическое поколение⁹.

Ряд зарубежных авторов доказывали, что стабильность политических режимов периода Гражданской войны определялась степенью социальной напряженностью в том или ином регионе России¹⁰. О том же начали писать и отечественные исследователи, работающие в русле социальной истории, и особенно – в области изучения политических настроений российского крестьянства в 1917–1921 гг.¹¹. В свою очередь, акцентирование внимания на политиче-

⁶ Там же. С. 483, 21.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же. С. 460.

⁹ Там же. С. 299.

¹⁰ См.: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. М., 1998; *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. М., 1997 и др.

¹¹ См.: *Яров С. В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006; *Илюхов А. А.* Борьба с пьянством и погромами в Петрограде в 1917 г. // К истории русских революций: События, мнения, оценки. М., 2007; *Савченко В. А.* Симон Петлюра. Харьков, 2004; *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста, 2006; *Елизаров М. А.* Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004; *Мусаев В. И.* Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001; *Давыдов А. Ю.* Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917–1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002; *Люкшин Д. И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; *Осипова Т. В.* Российское крестьянст-

ских аспектах Гражданской войны стало отличительной чертой нового этапа изучения российской революции 1917 г.¹² Так, военный историк С. Ауский пишет, что трагедия белых генералов, в первую очередь Деникина, объяснялась отсутствием «политического чутья», позволявшего приспособиться к быстро менявшимся обстоятельствам. Идея «Великой, Единой и Неделимой России» была одним из источников постоянного внутреннего раздора в Белом движении: она накаляла остроту противоречий между белыми генералами и казачеством, исконная территория проживания которых становилась территорией дислокации антибольшевистских вооруженных сил¹³.

Историки все чаще стали отказываться от передачи героико-романтического ореола от одной политической силы к другой. Многие исследователи со ссылками на высказывания самого Колчака писали о либерализации и демократизации Белого движения, но появились работы, авторы которых тоже со ссылками на документы личного происхождения пишут о том, что политическим противникам большевизма не удалось «захватить народную душу», что они «действовали старыми способами, сохраняли старые пороки, старую психологию, не пожелав считаться с теми переменами, которые принесла революция»¹⁴. Так, занимаясь проблемами политической мифологизации в период Гражданской войны, Д. Н. Шевелев пишет

во в революции и гражданской войне. М., 2001; Яров С. В. Крестьянин как политик. Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг. СПб., 1999; Пылькин В. А. Крестьянство Центра России в гражданской войне. Рязань, 2005; Телицын В. Л. «Бессмысленный и беспощадный»?... Феномен крестьянского бунтарства 1917–1921 годов. М., 2003; Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999; Сенников Б. В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М., 2004; Трут В. П. Казачество России в период Октябрьской революции и на начальном этапе Гражданской войны. Ростов на Дону, 2005.

¹² См.: Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень, 1999; Хазиев Р. Х. Государственное администрирование экономики и рынок на Урале в 1917–1921 гг. Уфа, 2000; Костокрызов П. И. Втягивание населения Урала в военные действия в 1917–1918 гг. // Человек и война. М., 2001.

¹³ Ауский С. Казаки. Особое сословие. М.; СПб., 2002. С. 377, 322.

¹⁴ Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. Владивосток, 1995. С. 5, 16.

о том, что антибольшевистская пропаганда отразила пробуждение в русской душе архетипов языческой древности, стихий хаоса и разрушений. Политические мифы Гражданской войны были созвучны времени и конкретны. Мифу красных о мессианской роли пролетариата и грядущем золотом веке белые стремились противопоставить реанимированный имперский миф, легенды о славном прошлом и былом величии России. По мнению автора, в центре антибольшевистской пропаганды находилась мифологема воина-рыцаря, противостоящего темным силам. Д. Н. Шевелев убежден в том, что белые опирались на стереотипы массового сознания, созданные союзнической пропагандой в годы Первой мировой войны. Свою особую роль в идеологии восточной контрреволюции играла и идея концепции славянского единения перед лицом «пангерманского хищника», базировавшаяся на доктрине панславизма и успешно использовавшаяся русской пропагандой в годы Первой мировой войны¹⁵.

А. Г. и В. Г. Зарубины считают, что все дискуссии о том, как корректнее изучать Гражданскую войну в социально-политической динамике, в известной мере схоластичны. Они полагают, что Гражданскую войну можно (и нужно) рассматривать и как процесс вооруженной борьбы между гражданами одной страны, и как период в истории страны, когда вооруженные конфликты определяют всю ее жизнь. Однако важно учитывать стадийность процесса, который имеет свои условные рамки. Исходя из посылки, что Гражданская война – это насилие на фоне системного экономического кризиса, исследователи связывают ее начало с февральскими событиями 1917 г., когда на улицах Петрограда пролилась первая кровь¹⁶.

По мнению В. И. Голдина, происхождение Гражданской войны осмысливается в современной историографии в контексте поисков ответа на вопросы о традиции многовекового раскола в российском обществе между властью и народом, выяснения кризисного ритма и конфронтационности в российской истории, выявления особенностей российского имперства, логики развития системного кризиса,

¹⁵ Шевелев Д. Н. Политическая мифология восточной контрреволюции и ее роль в формировании положительного образа Сибирской армии // Гражданская война в Сибири. Красноярск, 1999. С. 110, 114.

¹⁶ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 5.

смерти и возрождения империй, анализа процессов модернизации в России, взаимодействия модернизаторства и традиционализма, соотношения реформистской и революционной альтернатив, понимания особенностей российской революционной традиции¹⁷. В. И. Голдин рассматривает Гражданскую войну как продолжение Октябрьской революции, тесно связывая ее с интервенцией¹⁸. В то же время он убежден в том, что революционный процесс и Гражданская война в России целиком вышли из недр Первой мировой войны, которая во многом и сформировала атмосферу российской действительности того времени, поведение населения, убежденность широких слоев в возможности решить основные вопросы политики и повседневной жизни, прежде всего, посредством насилия, с оружием в руках¹⁹. Он солидарен с теми исследователями, которые придерживаются трактовки происходившего в 1917 г. как серии революций, различных по своей классовой и социальной природе, целям, задачам, составу участников. Особо подчеркивается значение противоборства «за линией фронта», на внутренних фронтах²⁰. Например, В. Л. Дьячков считает, что Гражданская война была борьбой каждого социального слоя за лучшее место в быстро меняющейся пирамиде общества. По его мнению, в этой борьбе наиболее активными оказались средние и низшие маргинальные слои города²¹.

В ряде своих исследований В. И. Голдин утверждает, что все революционные потоки (пролетарский, крестьянский, солдатский, национальный, региональный) слились воедино и придали огромную силу революционному процессу. И именно это обусловило при-

¹⁷ Голдин В. И. Революционный пролог и гражданская война в России на историографическом рубеже конца XX – начала XXI в. // Проблемы новейшей истории России: Сборник статей к 70-летию со дня рождения Г.Л.Соболева. СПб., 2005. С. 193-194.

¹⁸ Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006. С. 18; *Он же*. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск, 2005.

¹⁹ Голдин В. И. Революционный пролог... С. 194-195.

²⁰ Бровкин В. Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 26.

²¹ Дьячков В. Л. Характер и движущие силы гражданской войны // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. М., 1994. Ч. 1. С. 57-61.

ход большевиков к власти. Этот единый поток распадается осенью 1917 г., обнаруживая многочисленные противоречия, конфликты и «проявления Гражданской войны». Соответственно, именно явления хаоса, распада, дезорганизации власти и производства приводят российское общество летом 1918 г. к тотальному противостоянию по принципу «все против всех». А интервенция и вооруженное выступление чехословацкого корпуса сыграли роль катализаторов развернувшейся летом 1918 г. «широкомасштабной гражданской войны»²².

По оценкам В. И. Голдина, до лета 1918 г. антибольшевистские силы не были скоординированы, носили локальный характер, не представляя серьезной угрозы советской власти, которая сама еще находилась в стадии оформления. Он называет этот период «малой гражданской войной», объясняя этот термин тем, что в данный период «центр тяжести борьбы пролегал не на боевых фронтах, а зависел от эффективности политики и деятельности Советов на мирном поприще и, в первую очередь, в социально-экономической сфере»²³. При этом В. И. Голдин убежден в том, что одну из важнейших характеристик событий 1918–1920 гг. составляло сложное соотношение великодержавия, регионализма и сепаратизма. По мере развития революции и развертывания «гражданского вооруженного противостояния» формировались разнообразные концепции регионализма, как попытки выживания в условиях голода, войны в тех или иных регионах России. Так или иначе, они не исключали моделирования перспектив политического развития как России, так и отдельных ее регионов. Однако непрекращающаяся политическая борьба, которая переросла в Гражданскую войну, мешала формированию какой-либо устойчивой концепции государственного устройства²⁴.

Последнее интересно интерпретируется В. П. Булдаковым. Он считает, что «обычное состояние для России — своеобразные судороги реформ и революции, когда попытки реформаторов упорядочить ее громадное пространство встречают сопротивление... традиционалистской массы... инновационные порывы власти порождают

²² Голдин В. И. Революционный пролог... С. 196-197.

²³ Голдин В. И., Журавлев П. С., Соколова Ф. Х. Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005. С. 57-58.

²⁴ Там же. С. 143.

реакцию, кажущуюся нам неадекватной»²⁵. На основе психоментального анализа революционных событий, который становится особенно популярным в отечественной историографии²⁶, он приходит к выводу о том, что представители Белого движения выступали лишь функциональными элементами ускорения установления большевизма. Реальные альтернативы лежали в глубинах психики и сознания масс, которым действительно выпал шанс что-то сделать в собственных интересах. По мнению В. П. Булдакова, именно «коллективное разочарование» остановило революцию, которая является результатом «психопатического состояния общественного организма», он убежден в том, что Белое движение оказалось слабо не количеством штыков, а «совершенно негодной для борьбы с большевизмом ценностной и идейно-нравственной основой». Стремясь избавиться от давления политических стереотипов, автор избирает весьма перспективный вектор исследования – изучение неполитической стороны сознания и действий политических сил в революции. Он считает, что «красный» (классовый) террор, в отличие от мстительного (а потому саморазрушительного) неистовства белых в исторической перспективе начал восприниматься как ритуальное жертвоприношение». Кроме того, красный террор не только не разрушил имперской парадигмы власти в сознании людей, а, напротив, усилил ее²⁷.

В. П. Булдаков, как и большинство современных исследователей, рассматривает Октябрьскую революцию как производную от Первой мировой войны («коллективного безумия XX века»), но отказывается, по собственному признанию, «колени преклонять» перед «Великим Октябрем»²⁸. Он выводит революцию не из «принципа линейной поступательности», а «из логики цикличности движения», кризисная острота которого определяется степенью не-

²⁵ Булдаков В. П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 65.

²⁶ См.: Константинов С. И. Влияние взаимосвязи мировой и Гражданской войн на психологический раскол российского общества // Человек и война (Война как явление культуры). М., 2001. С. 181-189.

²⁷ Булдаков В. П. Революция и человек (Методологические заметки) // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 36-37.

²⁸ Там же. С. 38-39.

состоятельности властного начала в глазах народа, а не просто его бедственным положением». На психологическом уровне революция была не попыткой прорыва от «безграничного деспотизма» к «безграничной свободе», а попыткой ухода от прежних форм подчинения к «направляющему диктату». Соответственно, революции были необходимы «сверхреволюционные пассионарии», которые ничего общего не имели с многопартийностью. Политическим противникам большевизма, в свою очередь, были необходимы «сверхконтрреволюционные пассионарии». В. П. Булдаков считает, что Октябрь 1917 г. не создал никакой новой элиты. Он просто поставил российскую интеллигенцию перед выбором: либо служить советской власти, либо умирать от голода. Отсюда историк делает вывод, что любая революция может быть позитивной только в случае «появления какого-то нового человека, качественно новой ментальности»²⁹.

В. Т. Анисков в качестве основной причины победы большевиков в Гражданской войне называет то, что «в социальной массе определяюще действовал и сравнительный принцип “наименьшего зла”, наибольшим проявлением которого неизменно оставалась широкая опасность возвращения того, чего не стало, – царизма, помещиков, унижительного бесправия и т.п.». Автор пишет о терпеливом отношении крестьян к продовольственной диктатуре и всей системе «военного коммунизма», считая, что крестьяне выступали только против перегибов в этой политике³⁰.

Современными исследователями убедительно показано, что основные повстанческие силы крестьянского движения в Поволжье в 1918–1921 гг. были разгромлены всей мощью советского государства, но само движение завершилось не в результате данного акта, а в силу перехода режима к новой экономической политике, в полной мере отражавшей интересы крестьян и цели крестьянского движения. Поэтому в историографии сделан обоснованный вывод о победе крестьянской революции в широком смысле слова и военном поражении основных ее повстанческих сил в его узком смысле. При этом

²⁹ Булдаков В. П. Имперство и российская революционность (критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 3. С. 20-35; Булдаков В. П. Красная смута // Россия. 1997. № 11. С. 10.

³⁰ См.: Анисков В. Т. Россия революционная, красно-белая, нэповская в контексте ярославского краеведения. Ярославль, 2005.

особое внимание уделяется многонациональности крестьянского движения в Поволжье, которая стала одной из причин относительно быстрого спада повстанческих движений в 1919–1922 гг.³¹

Концепцию отхода от апологии российской застойности на рубеже столетий отстаивают многие исследователи³². Например, А. Н. Боханов полагает, что социальная трансформация обуславливалась стремлением определенной части общества к либеральной альтернативе большевизму. В то же время большевистский вектор политического развития российской государственности определялся тем, что русское национальное мироощущение формировалось «в русле православной духовно-нравственной традиции»³³. По мнению В. П. Дмитренко, «великая российская революция 1917–1920 гг.» уничтожила устои «не только прогнившие, но и прогрессивные, начавшиеся утверждаться», пытаясь «на скорую руку материализовать извечную мечту о равенстве и свободе»³⁴. Анализируя партизанское движение на Урале в период Гражданской войны, И. Ф. Плотников делает вывод, что повстанческие белое и красное движение «были в значительной степени сходными» (фактор добровольчества партизанских движений, а также взаимоистребление «брат – на брата»)³⁵.

А. Н. Никитин утверждает, что Белое движение в целом ориентировалось на либерально-демократическую модель развития, со-

³¹ См.: *Калягин А. В., Парамонов В. Н.* «Третий путь» в Гражданской войне. (Опыт деятельности Самарского Комуча). Самара, 1995; *Медведев В. Г.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998; *Анишакова Ю. Ю.* Крестьянские восстания в Среднем Поволжье в 1918–1920 гг. Дисс... канд. ист. наук. Самара, 1998; *Медведев А. В.* Большевики и неонародники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). Дисс... докт. ист. наук. Н. Новгород, 1994; *Посадский А. В.* Казаки и крестьяне – несостоявшийся союз 1919 г. // *Белая гвардия*. М., 2002. № 6; *Стариков С. В.* Политическая борьба в Поволжье: левые социалисты в 1917–1918 гг. Йошкар-Ола, 1996; *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001.

³² См.: *Шлемин П. И.* Восемьдесят лет спустя: прозрение или раскаяние // *Политическая наука. Россия: опыт революций и современность. Проблемно-тематический сборник*. М., 1998. № 2. С. 255-272.

³³ *История России. XX век*. М., 1996. С. 10-11.

³⁴ Там же. С. 146.

³⁵ *Плотников И. Ф.* Специфика партизанского движения белых и красных на Урале в Гражданской войне // *Человек и война (Война как явление культуры)*. М., 2001. С. 109-110.

держание которой определяли права и свободы человека и гражданина, частная собственность, автономия личности³⁶. При этом автор предлагает отказаться от термина «контрреволюция», поскольку на белых территориях «не только провозглашались демократические лозунги и принципы организации власти, но и предпринимались действия для их реализации». Вместо термина «демократическая контрреволюция» он предлагает использовать понятие «парламентская демократия» как альтернативу диктатуре — единоличной в «белой» России и партийно-классовой в РСФСР³⁷. В развитии противобольшевистского движения как «борьбы за демократию, права и свободы человека и гражданина» А. Н. Никитин выделяет два этапа: февраль – октябрь 1917 г. и весна–лето 1918 г. – 1920 г. Специфика второго этапа заключалась в том, что все «усилия сторонников демократического развития страны были направлены против партийно-классовой диктатуры, Советской власти, вызревшей в недрах демократической России»³⁸. Организационной формой объединения левой и правой части противобольшевистского фронта стала созданная ими государственность. В Сибири олицетворением коалиции демократов, либералов и военных был Совет Министров Временного Сибирского правительства», причем главным критерием для характеристики режима, утвердившегося 18 ноября 1918 г. на Востоке России, является положение с правами человека³⁹. Анализируя функционирование политического режима Колчака, А. Н. Никитин приходит к выводу о том, что отношение к власти как тяжкому бременю, необходимой жертве во имя спасения России сменилось у Колчака отождествлением себя с этой властью и зависимостью от нее. И самим фактом установления единоличной диктатуры, ее политикой были перечеркнуты все достижения противобольшевистского движения в борьбе за демократию и права человека, созданные условия и предпосылки победы над Советской властью⁴⁰.

³⁶ Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М., 2004. С. 13.

³⁷ Там же. С. 12.

³⁸ Там же. С. 296.

³⁹ Там же. С. 297-298.

⁴⁰ Там же. С. 299-300.

Своеобразный подход к изучению Гражданской войны выбрал Д. В. Митюрин. С помощью сравнительных жизнеописаний 23 пар военачальников (Колчак — Фрунзе, Мионов — Краснов, Деникин — Егоров, Капель — Чапаев, Скоропадский — Антонов-Овсеенко и т. д.) он пытается показать, как по-разному белые и красные решали широкий спектр социально-экономических и политических проблем. При этом по аналогии с Великой Французской революцией автор именуется всех своих героев «несостоявшимися бонапартами», делая упор на то, что все они в той или иной степени были романтиками-идеалистами⁴¹. Д. В. Митюрин делает неутешительный прогноз относительно перспектив решения основного вопроса «На чьей стороне, белой или красной, была правда в Гражданской войне?»⁴².

Данный вопрос в той или иной форме поднимается практически во всех исследованиях по истории Гражданской войны⁴³. С. В. Карпенко считает, что «реалии Гражданской войны быстро обостряли ожесточение и мстительность, нравственные истоки и героизма и стойкости замутнялись, в моральный облик и поведение добровольцев вносилось то, что Деникин назвал “грязью”»⁴⁴. Автор подчеркивает зависимость Белого движения от антантовских союзников. Он убежден в том, что при всех поворотах союзнической политики в «русском вопросе» прежде всего и больше всего теряли белые правительства в России. С. В. Карпенко полагает, что антантовские союзники недооценивали противобольшевистское движение на юге России и находили другие политические силы, более надежные и перспективные в смысле свержения большевизма. В 1918 г., по оценкам автора, это была Северная область, в 1919 г. — политический режим А. В. Колчака, в 1920 г. — Польша⁴⁵.

⁴¹ Митюрин Д. В. Гражданская война: белые и красные. М.; СПб., 2004. С. 18-19.

⁴² Там же. С. 3.

⁴³ Особенно в работах С. В. Карпенко, Г. М. Ипполитова, А. И. Ушакова, В. П. Федюка: Карпенко С. В. Врангель в Крыму: государственность и финансы // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 82-99; Ипполитов Г. М. Деникин. М., 2006; Ушаков А. И., Федюк В. П. Корнилов. М., 2006.

⁴⁴ Карпенко С. В. Очерки истории Белого движения на Юге России (1917–1920 гг.). М., 2003. С. 53.

⁴⁵ Там же. С. 348-349.

А. Я. Переверзев подчеркивает, что, в отличие от юга, на востоке России в роли ударника выступали не монархисты, а сторонники так называемой «третьей силы». Автор прослеживает, как лагерь учредилловцев оказался между двух противоборствующих лагерей (левого советского с центром в Москве и правого либерально-монархического со столицей в Омске). Причины крушения партии эсеров автор связывает с тем, что многие ее представители перешли на сторону Колчака. В понятие «белогвардейщина» он включает три политических лагеря: монархический или собственно «белый» во главе с бывшей аристократией; либерально-буржуазный, возглавляемый партией кадетов; учредилловский с лидерами партии эсеров. В итоге автор приходит к выводу, что в период Гражданской войны в России противостояли друг другу четыре политические силы (включая большевистскую), а потому существовали соответственно три-четыре альтернативы развития страны. Обозначившийся победитель в этой войне, так называемый блок народовластия, мог привести в жизнь гармоничную модель обустройства страны⁴⁶.

Все многообразие оценочных характеристик Белого движения, укладывается в два направления. По мнению Р. М. Абинякина, представители первого направления рассматривают Белое движение «как культурно-нравственный феномен, унаследованный из дореволюционной России, но неизбежно деформированный в эпоху Гражданской войны». Другое направление делает акцент на преодолении традиционной оторванности рассмотрения Гражданской войны от революции⁴⁷. Сам исследователь считает, что Белое движение «было порождением революционной эпохи пусть не леворадикального, а неопределенно-авторитарного характера»⁴⁸. Р. М. Абинякин показывает процесс изменений монархических ценностей в офицерском корпусе Добровольческой армии: на смену личной преданности персоне монарха возвращается защита монархии как системы⁴⁹. Высту-

⁴⁶ См.: *Переверзев А. Я.* Комуч. Директория. Колчак: Антисоветский лагерь на Востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003.

⁴⁷ *Абинякин Р. М.* Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917–1920 гг. Орел, 2005. С. 4.

⁴⁸ Там же. С. 181.

⁴⁹ Там же. С. 159-161.

пить в роли альтернативы большевикам офицеры-добровольцы смогли, но «доиграть ее до победы не хватило ни сил, ни таланта»⁵⁰.

По мнению С. В. Волкова, большинство офицерства было настроено монархически, что не исключало наличие разных тактико-политических ориентаций, но «каких бы политических взглядов ни придерживались офицеры, стремление покончить с большевизмом было всеобщим»⁵¹. Вслед за Н. Рутычем, рассматривавшим добровольчество как борьбу за восстановление российской государственности⁵², С. В. Волков заявляет, что ее крушением был «предрешен и конец русского офицерства как социального слоя и культурно-психологического феномена»⁵³.

В. Ж. Цветков одним из первых среди отечественных исследователей истории Белого движения начал изучать Гражданскую войну как столкновение двух правовых систем, результатом которого стали «революционный “беспредел” и стремление сохранить в растущем хаосе “островки законности”, вокруг которых в дальнейшем возможно строительство “новой России”»⁵⁴. Авторская позиция строится на опровержении традиционного обвинения белых в «латентном монархизме», в том, что Белое дело «имело своей целью восстановление дореволюционных порядков, только в модернизированной форме последних лет перед Первой мировой войной»⁵⁵. В. Ж. Цветков считает, что лидеры Белого движения искали оптимальную форму управления, сочетавшую административное руководство с «общественным доверием»⁵⁶. Главную причину поражения Белого движения он видит в том, что политическим противникам большевизма не хватило легальности и легитимности. Переход от директориальной формы к диктаторской, по его оценкам, должен был сохранить принцип правопреемства. Однако с точки зрения по-

⁵⁰ Там же. С. 181.

⁵¹ Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 77-79.

⁵² См.: Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России (Материалы к истории Белого движения). М., 1997. С. 5.

⁵³ Волков С. В. Указ. соч. С. 307.

⁵⁴ Цветков В. Ж. Месть и закон. Белое движение: политика и право // Родина. 2008. № 3. С. 14.

⁵⁵ См.: Миронов С. С. Гражданская война в России. М., 2006. С. 343.

⁵⁶ Цветков В. Ж. Месть и закон... С. 16.

литической целесообразности требовалось «народное волеизъявление», с которым у Белого движения были большие проблемы⁵⁷.

Эта проблема довольно подробно исследована в монографии В. Д. Зиминной, которая рассматривает Белое движение как одну из попыток вывести Россию «из имперского кризиса, но при обязательной ликвидации большевистской диктатуры»⁵⁸, и подчеркивает, что изучать Белое движение можно «только в его динамике и самодвижении, которые определяются взаимодействием традиций и инноваций в государственной, политической, социально-экономической, культурной и нравственно-ментальной плоскостях российской государственности в переломные этапы ее развития»⁵⁹. Анализе политических режимов П. Н. Краснова, П. П. Скоропадского, М. А. Сулькевича, А. В. Колчака, А. И. Деникина, П. Н. Врангеля, автор указывает на поливариативность Белого движения. Одни режимы были близки к диктаторским, другие – к либерально-демократическим, не исключая и гибридные варианты. Объединяла их антибольшевистская направленность, обуславливавшая попытки реализации в том или ином регионе так называемой местной модели «Единой и Великой России»⁶⁰. По мнению В. Д. Зиминной, невозможно создать единую для всех регионов России «конструкцию» изучения Белого движения. А поэтому, были и будут неизбежны различные подходы, благодаря которым удастся воссоздать достаточно полную картину Белого движения как уникального социально-политического и социокультурного феномена отечественной истории⁶¹.

В заключение необходимо отметить, что изучение истории Белого движения находится в процессе трансформации под влиянием изменения ценностных ориентаций современного исследовательского сообщества. Ведется поиск новых методологических подходов, балансирующих, как отмечает Г. А. Бордюгов, между формационным и цивилизационным редукционизмом, а также постмодернизмом⁶². Появление новых концепций открывает широкие перспективы для развития исторического знания о Белом движении.

⁵⁷ Там же. С. 18.

⁵⁸ *Зимина В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006. С. 236.

⁵⁹ Там же. С. 20.

⁶⁰ Там же. С. 210.

⁶¹ Там же. С. 9.

⁶² См.: *Бордюгов Г. А.* Указ. соч. С. 364.